

общался на сложном и богатом английском, получая от этого удовольствие. Фрост и Чуковский попеременно обменивались то серьезными высказываниями, то шутками; они очень подружились. Полученное Фростом резкое напоминание о том, что он, как бы ни был любезен хозяин и богато угощение, находится на чужбине, — напоминание, подтвержденное событиями следующего дня, — застало его врасплох.

Стол ломился от яств, и гости были в приподнятом настроении. Мы произносили тосты, пили водку и вино, прихлебывали чай, ели пирог и чувствовали себя почти как дома. Впоследствии Фрост неоднократно с восторгом говорил об этом вечере, вспоминал, как Чуковский танцевал в оксфордской мантии и как они вместе осматривали его библиотеку. Перед ужином появился, подобно некоему злому духу, корреспондент ТАСС и договорился еще об одном в бесконечной череде интервью. Но даже появление этого призрака средств массовой информации не омрачило праздничной атмосферы вечера. Корреспонденты, распорядительницы, доброхоты, патриоты — все они мешали Фросту знакомиться с Россией, и тем не менее много раз он чувствовал, что дотрагивается до России как она есть, — особенно в этот вечер, а также во время публичных чтений и встречи в Гагре, которую он хранил в памяти как кульминацию своей поездки в Россию.

Суббота

Дети и все, кто серьезно относится к суевериям, говорят: когда проходишь мимо кладбища, нужно чертыхнуться. Это первое, что следует делать первого числа каждого месяца. Мы почему-то забыли об этом и все утро жалели, что навлекли на себя неприятности. Русские тоже хотели бы без них обойтись. Потом они принесли нам извинения. Так или иначе, субботний день первого сентября наступил и обернулся для нас одним из